

ВЛАДІМІР СОРОКІН

18+

[белый квадрат]

Владимир Сорокин
Белый квадрат (сборник)

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сорокин В. Г.

Белый квадрат (сборник) / В. Г. Сорокин — «АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-109144-6

В новый сборник короткой прозы Владимира Сорокина вошли тексты последних лет – большинство из них публикуется впервые. Читателя традиционно ждет вихрь головокружительных аттракционов: жонглирование цитатами и эпохами, карнавальное смешение высокого и низкого, оживление метафор, вспышки эротических протуберанцев, мучительная или глупая смерть. Если раньше застывшая языковая, жанровая или поведенческая модель, которую ломает вырвавшееся наружу коллективное бессознательное, относилась скорее к прошлому, то теперь автор препарирует настоящее, в котором модели прошлого актуализируются, слом традиции и возвращение к ней меняются местами, а обломки перемешиваются в психоделической мозаике, детально отображающей реальность.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109144-6

© Сорокин В. Г., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Красная пирамида	6
Ржавая девушка	14
Поэты	18
Белый квадрат	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Владимир Сорокин
Белый квадрат
сборник короткой прозы

© Владимир Сорокин, 2018

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Красная пирамида

Н. Н. Артамоновой

В общем, Юра перепутал Фрязино с Фрязево и уехал не туда. Наташа все объяснила ему: Ярославский вокзал, направление Фрязево или Щелково. Ее станция – Загорянская, где не все электрички останавливались. Фрязевская останавливалась, а фрязинская – совсем нет. Юру угораздило сесть на фрязинскую.

– Есть электричка в шесть пятнадцать, она ходит по будням регулярно, – говорила ему Наташа, стоя у станции метро “Динамо” и облизывая мороженое, зажатое двумя круглыми вафлями, которым Юра угостил ее. – Всегда у нас останавливается.

– И сколько часов... ммм... ехать? – сострил Юра, громко и много откусывая от своего мороженого вместе с вафлей.

– Сорок пять минут, – улыбнулась Наташа. – К семи будете у нас.

Они встречались третий раз, но почему-то так и не перешли на “ты”.

– Большая компания?

– Маленьких не бывает! – рассмеялась Наташа, тряхнув головой.

Она всегда так делала, когда говорила что-то веселое. У нее это выходило как-то чересчур искренне, что даже слегка граничило с глуповатой наивностью, но она не была глупой, Юра это быстро понял. Вообще, она все больше нравилась ему: небольшого роста, стройная, смуглая, подвижная, почти всегда улыбающаяся. Явно с примесью южных кровей. Что-то молдавское, армянское, а может, еврейское. Но Юра пока не спрашивал о корнях. От Наташи всегда шла волна радости. Ее волосы были черными, заплетенными в две тугие косы, обвивающие голову.

– Когорта поклонников предполагается? – Он быстро расправлялся с потекшим мороженым.

– Непременно! – Наташа снова тряхнула головой.

– Дуэльные пистолеты у вас найдутся?

– Есть папина двустволка!

– Патроны – за мной.

– Договорились!

Глядя на ее смеющиеся, мокрые от мороженого губы, Юра представил их первый поцелуй. В сирени, например.

– У вас растет сирень? – спросил он.

– Росла. Рос-кош-ная! Но куст совсем выродился. Папа срубил. Ма-а-аленький кустик остался.

Наташа доела вафли, достала из кармана жакета платочек, вытерла губы, подняла свой портфель, стоявший все это время у ее стройных смуглых ног, взяла его в обе руки, прижала к животу:

– Ну, я пошла.

И добавила, наклоня голову вперед и глядя исподлобья:

– До субботы, Юрий.

– До субботы, Наташа! – Юра поднял и сжал кулак.

Она стремительно развернулась и быстро пошла в метро. Так же стремительно она разворачивалась тогда на бревне в спортзале, когда Юра впервые ее увидел. А потом прошлась по бревну легким колесом, оттолкнулась, спрыгнула, развела руки, запрокинув лучистое лицо.

Она была перворазрядница, училась в педагогическом, участвовала в студенческой спартакиаде, о которой Юра, студент второго курса журфака МГУ, делал репортаж для универси-

тетской многотиражки. Там и познакомились. Сходили в кино на французский фильм “Под крышами Парижа”, который оба уже смотрели: Юра – один раз, Наташа – трижды.

Гуляли в парке Горького.

И Наташа пригласила на день рождения.

И вот... Юра проехал мимо.

В подарок он вез бутылку шампанского и томик стихов Уолта Уитмена в переводе Корнея Чуковского. Эта книга, красиво изданная в издательстве “Академия”, стояла у них дома среди множества других книг, собранных еще дедушкой. Юра только однажды заглянул в нее, полистал и поставил на полку. И вспомнил, только когда задумался о подарке Наташе. Стипендию он уже потратил на три американских джазовых пластинки, купленных на Кузнецком у спекулянтов. Оставшихся денег хватило только на шампанское. У родителей Юра уже два месяца принципиально не просил.

“Красивая книга, хороший поэт...” – подумал он и положил Уитмена вместе с шампанским в свою сумку желтой кожи, с ремнем через плечо.

А в электричке зачитался Уитменом. И слишком поздно понял, что едет не туда.

– Не подскажите, когда Загорянка? – спросил он у худого хмурого старика с палкой и бидоном в сетке.

– Никогда, – лаконично ответил старик. – Не на то сел.

– Как?

– Так. Фрязинская в Загорянке сроду не останавливалась.

Юра вскочил, глянул в окно. Там ползли кусты и телеграфные столбы.

– И что же...

– Следующая – Зеленый Бор. Там сойдешь, вернешься до Мытищ, потом сядешь на фрязевский поезд.

– Черт! – Юра бессильно ударил кулаком по ладони.

– Черт тут ни при чем, – произнес старик и хмуро уставился в окно.

Ругая себя кретином, Юра взял сумку и вышел в тамбур. Здесь не было одной двери и гулял июньский воздух.

– Слышь, кореш, дай закурить! – раздалось за спиной.

Юра обернулся. Шпанистого вида парень стоял в углу тамбура, привалившись к стенке. Юра его вовсе не заметил, когда вошел. Недовольно глянув на парня, достал из кармана брюк ополовиненную пачку сигарет “Астра”, спички. Взял себе сигарету, протянул пачку парню. Тот оттолкнулся от стенки, шагнул в широких черных брюках, молча вытащил сигарету, сунул в губастый рот. Юра зажег свою, кинул спичку за плечо.

– Дай огня в зубы! – попросил парень.

Юра помедлил, думая сказать парню: “Свои пора завести”, но потом чиркнул спичкой, поднес. Парень закурил. У парня было бледное худое лицо с широкими скулами и скошенным подбородком.

– Зеленый Бор скоро? – недовольно спросил его Юра.

– А хер его знает, – ответил парень. – Я к корешам в Ивантеевку еду. Не отсюда. Ты тоже?

Юра слегка кивнул.

Парень тускло осмотрел Юру, снова привалился к стенке и, с сигаретой в мокрых губах, полуприкрыл глаза.

Юра отвернулся, выпуская дым в дверной проем.

Электричка тащилась неспешно.

“Ползет как черепаха, – зло думал Юра. – Кретиноид. Идиотиум. Дуроплезиус...”

Быстро докурил сигарету, метнул окурки в ползущую мимо пыльную зелень. Вернулся в вагон. Все те же пассажиры все так же сидели на своих местах. Некоторые посмотрели на Юру, как ему показалось, с усмешкой.

“Способен вызывать только смех. И поделом”.

Юра открыл Уитмена, стал читать. Через восемь страниц хриплый голос в динамике объявил: “Зеленый Бор”. Подхватив сумку, Юра вышел в тамбур, где уже не было губастого парня, но стояли три женщины разных возрастов: старуха, полная дама и девочка.

Электричка затормозила с противным скрежетом. Юра сошел вслед за женщинами, огляделся. Немногочисленные пассажиры сошли на деревянный перрон и двинулись в сторону виднеющихся за зеленью деревенских домиков. Электричка уползла. Поняв, что надо перебираться на противоположную платформу, Юра прыгнул на шпалы, перешел, шагая через нагретые солнцем рельсы, обогнул платформу, обнаружил деревянные ступени, поднялся. На перроне не было никого. Валялись редкие окурки. На длинном решетчатом щите с приделанными буквами висело только “БОР”. Вместо “ЗЕЛЕНЫЙ” различались лишь тени букв.

– Зеленый на ремонте... – хмуро пошутил Юра, подошел к лавке с облупившейся белой краской, сел.

Глянул на свои часы “Луч”, подаренные ему отцом после поступления в МГУ: 18:42.

– Начнут без меня...

Достал сигареты, но передумал. Убрал.

– Идиотиум! – произнес он, сощурился на застрявшее в соснах солнце и сплюнул на пыльный, зашарканный настил.

Прошло 12 минут.

Потом еще 13.

Потом 20.

Поезда не было.

– Вот и пиздекс. С днем рождения, Наташа!

Юра встал, пошел по перрону. На нем тоже по-прежнему не было ни души. Солнце уже скатилось ниже, промеж сосновых стволов.

С сумкой на плече Юра пошел по пыльным доскам, зло выстукивая сандалиями:

– Говномериум!

– Жопорватиум!

– Ебанатиум!

Доски глупо гудели от ударов Юриных подошв. Это совсем разозлило его. Пройдя весь перрон, он развернулся, разбежался и широко запрыгал, как прыгают легкоатлеты тройным прыжком, впечатывая всю свою злость в облезлые доски:

– Дуроплясиус!

– Говномесиус!

Доски загрохотали.

Юра поравнялся с решетчатым щитом со словом “БОР”:

– Бородан!!

– Боронос!!

– Бороул!!! Ну ког! да! же?!

– Через восемь минут, – послышался голос.

Юра обернулся. На скамейке, мимо которой он только что пропрыгал, сидел человек. Это было так неожиданно, что Юра замер как вкопанный. Толстый, одутловатый мужчина в светлой летней одежде сидел и смотрел на Юру.

– Что... – пробормотал Юра, не веря своим глазам.

– Через восемь минут будет поезд, – произнес мужчина.

Его большое, мучнисто-белое, грушеобразной формы лицо ничего не выражало. Ничего. Просто *совсем* ничего. Впервые в своей жизни Юра увидел такое лицо.

– Поезд? – переспросил он, не в силах оторваться от этого лица.

– Электричка.

Маленькие, выражающие *ничего* глазки смотрели на Юру. Ему показалось, что лицо заморожено. А сам человек... из морга. Мертвец. Труп. Юре вдруг стало плохо, как от солнечного удара, который случился с ним в Баку прошлым летом. Ноги его задрожали.

– Присаживайтесь, – произнесли замороженные губы. – Вы, очевидно, перегрелись. Жарковато для начала июня.

Юра плюхнулся на скамейку. Вдохнул, приходя в себя, провел рукой по вспотевшему лбу.

– В жару лучше не прыгать тройным, – произнес мужчина.

Юра посмотрел на толстяка. Он сидел все так же, замороженно глядя перед собой. На нем была старомодная летняя одежда: белая панама, бежевый летний костюм, под ним белая косоворотка с расшитым воротом. Из-под широких бежевых брюк виднелись белые коленкоровые полуботинки. Такие летом носил один забавный друг покойного дедушки, нумизмат, балагур и пьяница. Тоже уже покойный. Эти смешные полуботинки привели Юру в чувство. Он выдохнул. Вдохнул. И снова выдохнул. Уже спокойно. Морок вдруг прошел. И Юре стало легко и весело.

“Откуда он свалился? – подумал он. – Ком с горы... Почему я его не заметил? Вправду, что ли, перегрелся?”

Толстяк спокойно-равнодушно смотрел перед собой, не меняя позы.

– Восемь минут. Вы знаете расписание? – спросил Юра.

– И не только.

Юра глянул на свои часы:

– Через восемь?

– Через семь.

– У вас что, в голове часы?

– И не только.

Юре стало еще легче и веселей. Он облегченно рассмеялся, почесал затылок.

– То есть вы все на свете знаете?

– Почти.

– Хорошо. Что такое миттельшпиль?

– Середина шахматной партии.

– Так. А... Бетельгейзе?

– Звезда в созвездии Ориона. Красный сверхгигант размером с орбиту Юпитера.

– Отлично! Ну а кто такой Дэйв Брубек?

Замороженные губы сузились и довольно точно насвистели *Take Five*.

– Атас... – потрясенно выдохнул Юра, хлопнул себя по коленкам и рассмеялся. – Вы музыкант! Точно, да? А музыканты еще и в шахматы хорошо играют, правда? Вы джазмен?

– Нет, – спокойно ответил толстяк.

– Ну, правда ведь, а? На чем играет? На саксе? На трубе?

Толстяк молчал.

– Хорошо. Игра в секреты... Тогда скажите мне вот что... где находится... м-мм... Гнилое Бучило?

– Тверская область, Селижаровский район.

Юра опешил. Это место знали только в небольшой деревеньке, куда они с отцом и дедушкой ездили на охоту. Селижаровский район, деревня Хутор. Гнилое Бучило было окруженным лесом болотом. Там любили гнездиться водоплавающие птицы.

“Откуда он это знает?”

Толстяк сидел, не меняя позы.

“Телепат? Гипнотизер? Гипнотизер, точно! Развелось их с Вольфом Мессингом... Так. Надо его как-то в лужу посадить...”

Юра пошарил взглядом по округе. И вдруг увидел невдалеке, возле одноэтажного здания из белого силикатного кирпича, полинявший плакат на щите: НАША ЦЕЛЬ – КОММУНИЗМ!

Под надписью виднелся профиль Ленина.

– Скажите, пожалуйста, а кто такой Владимир Ильич Ленин? – громко спросил Юра, победоносно скрещая руки на груди.

– Человек, запустивший пирамиду красного рева, – спокойно ответил толстяк.

Юра открыл рот.

– Что? Пирамиду? Красного... чего?

– Красного рева.

– И что это за пирамида?

– Источник непрерывного красного рева.

– И где она?

– В центре столицы.

– Где именно?

– Там, где центр.

– В Кремле?

– Нет. На Красной площади.

– На самой площади? Пирамида?

– Да.

– И где она там? Конкретно?

– Ее подножие занимает всю площадь.

– Всю?

Юра рассмеялся. Толстяк все так же невозмутимо спокойно сидел.

– Знаете, – заговорил Юра. – Я живу неподалеку от Красной площади, на Пятницкой.

Но никакой красной пирамиды на ней никогда не видел.

– Вы не можете ее видеть.

– А вы можете?

– Да.

“Ясно. У него галлюцинации...”

– И что делает эта пирамида?

– Испускает красный рева.

– Как... громкоговоритель?

– Приблизительно так. Только это совсем другие волны. И совсем другие колебания.

– И зачем она... испускает?

– Чтобы заразить людей красным ревом.

– Для чего?

– Чтобы нарушить внутренний строй человека.

– Нарушить? Зачем?

– Чтобы человек перестал быть человеком.

“Антисоветчина...” – подумал Юра и оглянулся по сторонам.

Но на перроне по-прежнему никого не было.

– Значит, Ленин построил эту пирамиду?

– Нет. Он только ее запустил.

– Повернул, что ли, рубильник?

– Вроде того.

– А кто ее построил?

- Вы их не знаете.
- Немцы, что ли? Карл Маркс? Энгельс? – усмехнулся Юра.
- Нет, не немцы.
- Янки?
- Нет.
- Ну... кто они? Откуда?
- Оттуда, – ответил толстяк и добавил: – Ваш поезд идет.

Юра глянул на рельсы, сужающиеся слева в нагретом воздухе, ничего не увидел, но все же встал, поправил на плече ремень от сумки. Посмотрел на тот самый плакат с Лениным.

- А... коммунизм?
- Что коммунизм? – Толстяк поднял на него замороженные глаза.
- Ну... это же... светлое будущее?
- Это не светлое будущее, а красный рев сегодняшнего дня.

В этот момент вдали раздался гудок. И Юра увидел электричку. Она была далеко, двигалась пока бесшумно. Юра что-то хотел сказать толстяку на прощание, что-то смешное и обидное, но неожиданно передумал. Он стоял, покачиваясь на месте, как любил делать, и смотрел на странного человека. А человек сидел и глядел перед собой. Послышался звук электрички. Она подползала к перрону. Вдруг Юра остро почувствовал, что никогда в жизни больше не увидит этого необычного человека. Он был абсолютно уверен, что тот так и останется сидеть на этом пыльном, пустом перроне. Не поедет в Москву. Может, вообще никуда не поедет. Непонятно, куда этот человек мог бы поехать. Он словно сросся с лавкой. Юре вдруг стало жутко тоскливо. Так, что слезы навернулись на глаза.

Электричка подползла со знакомым скрежетом.

Юра автоматически шагнул внутрь. Вошел в вагон и сел. Вытер глаза рукой, глянул в окно на перрон. Толстяк все так же сидел на лавке. И смотрел перед собой. В толстяке было что-то мучительно родное.

Электричка отправилась.

Юра сидел на своем месте в оцепенении. Ему было тоскливо. Но спокойно. И никуда не хотелось спешить. И мыслей совсем не было. Вместо мыслей в голове застряла последняя фраза толстяка:

“Красный рев сегодняшнего дня”.

Юра оцепенело смотрел в окно на зелень, столбы, домики, машины, помойки, пакгаузы, подъемные краны, угольные кучи, котельные, людей, птиц, коз, собак.

Но совершенно забыл про день рождения Наташи.

И проехал Мытищи.

Очнулся, только когда поезд подползал к Ярославскому вокзалу. Едва вагон остановился, как оцепенение прошло. Юра встал. Вместе с пассажирами вышел из вагона на платформу, отделился от толпы. Остановился, доставая сигареты.

“А день рождения? Загорянка? Наташа? – вспомнил он. – Кретинизм...”

Он двинулся вдоль платформы.

– Идиот! – произнес он и в сердцах сплюнул.

Закурил. Побрел по вечерней Москве. Пересек Садовое, двинулся к себе на Пятницкую.

Сигарета вернула к реальности.

– Это был гипнотизер, – произнес Юра и рассмеялся. – Как я влип, дурачок! Красный рев! Кра-а-асный рев! Пирамида!

Бредя по вечерним улицам, он вытянул из сумки бутылку шампанского и открыл на ходу. Пробка вылетела с сильным хлопком, напугав какую-то старушку, и ударила в стену дома. Теплое полусладкое шампанское хлынуло из бутылки. Юра стал пить его, обливаясь.

По дороге домой он допил липкую бутылку и поставил ее на чей-то подоконник.

Дома почитал свежую “Юность” и завалился спать раньше обычного.

Прошло воскресенье.

В понедельник Юра сдал два зачета. А во вторник после университета поехал на “Динамо”, где завершалась спартакиада. Входя в гимнастический зал, он чуть не столкнулся с Наташей. В темно-синем трико, с белыми от талька ладонями она шла в раздевалку.

– Привет! – сказал он, останавливаясь.

– Привет, – ответила она со своей вечной улыбкой и пошла дальше.

Больше они не виделись.

Юра окончил журфак, женился на Альбине, дочке старых друзей родителей. При протекции отца, видного функционера в министерстве транспорта, он получил место в “Комсомольской правде”. У них с Альбиной родился сын Вячеслав. В конце 60-х Юра вступил в партию и перешел работать в “Известия”. У них родилась дочь Юлия. В середине 70-х ему предложили место завотделом в “Огоньке”. Он перешел из “Известий” в “Огонек”.

В то июльское утро он, как всегда, быстро позавтракал, сел в отцовскую белую “Волгу” и поехал в редакцию. Едва машина въехала на Москворецкий мост, как сердце Юрия вдруг сжалось и затрепетало так, что перехватило дыхание. Юрий притормозил у бордюра. Стал ровно и глубоко дышать и массировать точки хэ-гу на руках, как научил его один врач. С сердцем у него уже случались проблемы. Впервые это произошло после скандала с его острой статьей в “Известиях”, которую “опрометчиво”, во время отпуска главреда, утвердил замглавного. Юрия вызвали на ковер в горком партии. “Вы перешли черту допустимого”, – сказал ему человек с лицом старого волка. Замглавного выгнали с треском. Юрина карьера тогда висела на волоске. Он чудом удержался: как никогда помогли партийные связи отца. Но сердце заболело. Врачи сказали, что Юрий перенес микроинфаркт. С Альбиной он два месяца провел в санатории. Второй раз он сильно переживал из-за сына, попавшего в грязную историю: коллективное изнасилование в студенческом общежитии. Сын оказался под следствием. Отец Юрия недавно умер, и помочь сверху было уже некому. Юрию пришлось ходить по кабинетам, просить и унижаться. Сына он спас, ему дали условный срок. Сам же после этого полгода сидел на таблетках. Потом все прошло.

Но сейчас, сейчас, сейчас.

Сердце трепетало.

Такого прежде не было. Юрий стал задыхаться. Он вылез из машины, подошел к парапету, положил руки на прохладный гранит и задыхал, глядя на утреннюю Москву-реку. От реки тянуло свежестью, это чувствовалось здесь, на мосту. Юрий стал успокаивать себя. Но сердце по-прежнему трепетало, словно зверушка, попавшая в капкан.

Или на кукан.

Или на канкан.

Или на фанфан.

Юрий дышал, дышал, дышал.

Закружилась голова, в ушах запели две стальные цикады.

– Стоп, стоп, стоп... – успокаивал себя Юрий.

Цикады пели. Ноги задрожали. Он схватился за парапет, навалился на него. Внизу блеснула вода. Вода блеснула. Блеснула проблесковым блеском блестящая вода.

– Стоп, стоп, стоп... – шептал он себе.

Серд-це. Сер-д-це. Се-р-д-ц-е. Перестало трепетать.

Перестало. Пере

стало.

И встало.

Внутри Юрия наступила
ТИШИНА.

Из последних сил он выпрямился.

Вцепился руками в парашют.

И вдруг увидел красную пирамиду.

Она стояла на Красной площади, занимая своим основанием ее всю. Пирамида вибрировала, испуская красный рев. Он исходил из нее волнами, затопляя все вокруг, как цунами, уходя далеко за горизонт, во все стороны света. Люди были затоплены красным ревом. Они барахтались в нем. Идущие, едущие, стоящие, сидящие, спящие, мужчины, старики, женщины, дети. Красный рев накрывал их всех. Он яростно бил бил красной волной в каждого человека человека в каждом человеке человеке свет свет и красный рев рев бьет бьет из пирамиды пирамиды чтобы погасить погасить свет свет человека человека и погасить погасить не может не может и зачем зачем бьет бьет это страшно страшно и тупо тупо красные волны волны бьют бьют и не могут не могут бьют бьют и не могут не могут зачем зачем бьют бьют это глупо глупо яростно яростно глупо глупо шестикрылый шестикрылый ты здесь здесь рядом рядом шестикрылый шестикрылый ты яркий яркий ты самый самый ты вечный вечный ты здравствуй здравствуй шестикрылый шестикрылый тогда тогда ты был был другой другой толстый толстый смешной смешной белые белые ботинки ботинки твое имя имя.

– Бороул... – прошептал Юра, силясь улыбнуться побелевшими губами.

И рухнул навзничь.

Ржавая девушка

И. П. Смирнову

Солнечным летним днем по главной улице города шла молодая симпатичная девушка. Легкое летнее платье красиво облегалo ее стройную фигуру. Каштановые волосы касались юных плеч, кольца их вздрагивали в такт шагам. Девушка широко и целеустремленно шагала, одной рукой придерживая висющую на плече сумочку и слегка помахивая другой. Ее белые туфли с маленькими каблочками бодро цокали по мостовой.

Одна неприятность сопровождала девушку: она скрипела. При каждом ее шаге раздавался противный громкий скрип. Прохожие косились на нее, молодые люди двусмысленно переглядывались, дети смеялись и показывали пальцем: девушка шла без джэммера.

– Идет и не стесняется, – ворчали одни.

– Смелая! – улыбались другие.

– Глупая, – презрительно усмехались третьи.

– Наверно, бедная... – сокрушались четвертые.

Но девушка словно не замечала ни своего скрипа, ни насмешек и косых взглядов. Она шла, бодро глядя вперед и отмахивая рукой.

– Ишь, заржавела... – бормотал старик-зеленщик, вываливая морковь из мешка в квадратный короб. – Коль на джэммер не заработала – сиди дома!

– Скрипит, как голодный сверчок! – усмехался мясник, вытирая свои большие руки тряпкой. – Отчаянная девчонка!

– В наше время, если скрип пришел, порядочные девушки сидели по домам, – говорила старушка своей подруге. – О джэммерах тогда никто и не слышал. Просто старались не выходить из дома. Я один раз выбежала в лавку молочника, купить молока для младшего брата. Так как на меня все так зашикали! Стыд!

– Теперь нравы другие, что вы хотите от молодых, – кивала головою подруга.

Девушка шла. Впереди показался большой галантерейный магазин. Девушка решила зайти. Стеклопанные двери гостеприимно распахнулись перед ней. Она вошла в магазин, огляделась и направилась в отдел женских платьев.

– Чем могу быть полезной? – обратилась к ней продавщица.

– Я ищу летнее платье со встроенным джэммером, – сказала девушка.

– У нас широкий выбор таких платьев, – ответила, улыбаясь, продавщица. – Пойдемте, я покажу вам!

Она подвела девушку к стойке с висящими платьями. Девушка выбрала красивое платье, но, узнав цену, покачала головой:

– Слишком дорого для меня.

– Тогда я вам советую купить джэммер отдельно, – сказала продавщица.

– Но ведь не на каждое платье можно поставить джэммер? – размышляла вслух девушка.

– Да, в этом проблема, – кивнула продавщица. – Вот это ваше платье красивое, но на него совершенно невозможно поставить стандартный джэммер.

– Я знаю, – вздохнула девушка. – А другого летнего платья у меня нет. Мне сшила его покойная мама.

– Здесь неподалеку, в переулке направо от бакалейной лавки, есть подвальчик, где африканцы делают джэммеры. Они гораздо дешевле тех, что продаются в больших магазинах. Сходите к ним, думаю, они вам смогут помочь.

– Благодарю вас за совет. Вы очень добры, – ответила девушка.

Она вышла из магазина, дошла до бакалейной лавки и свернула в переулок. В отличие от широкой и чистой главной улицы он был узкий, грязный, заваленный мусором. Девушка пошла по переулку и вскоре увидела вход в подвал с надписью “У Хромого Али. Ремонт и починка техники”. Девушка спустилась по старым ступеням, толкнула дверь и вошла в мастерскую. Небольшое, заваленное всякой техникой помещение освещалось двумя лампами: под сводчатым кирпичным потолком и на столе у Али, хозяина лавки. Мастеря что-то, он поднял голову и приветствовал вошедшую:

– Добрый день, мадмуазель. Чем могу помочь?

Его старческий голос звучал приветливо.

– Я хотела бы приобрести джэммер, – произнесла девушка, осматриваясь.

– У нас есть летние и зимние джэммеры.

– Я хотела бы летний.

– Летний обойдется вам в двадцать пять.

– А сколько у вас стоит установка?

– Зависит от одежды.

– Я бы хотела поставить джэммер на это платье.

Старик сдвинул очки на лоб, окинул взглядом девушку:

– Шестнадцать.

– Итого...

– Сорок. Ровно сорок, мадмуазель.

– Дороговато... – вздохнула девушка.

– Мадмуазель, в магазинах новый джэммер стоит пятьдесят, а установка – двадцать пять.

– Я знаю, – грустно улыбнулась девушка.

Старик приподнялся, вышел из-за стола и, опираясь на палку, подошел к девушке.

– Я бы скинул еще десятку, но нам месяц назад повысили аренду. А доходы в этом году не радуют. Всем нам приходится выживать.

– Да, времена непростые, – согласилась девушка. – Что ж, спасибо, что уделите мне время.

Она повернулась и со скрипом пошла к двери.

– Подождите, – произнес старик.

Девушка остановилась.

– Я вижу, что вы не из богачей, – произнес старик.

– Увы! – грустно рассмеялась девушка.

– У меня к вам предложение, мадмуазель.

– Слушаю вас, Али.

Старик оперся на палку обеими руками и заговорил:

– Я довольно пожил на этом свете, помню стародавние времена. Тогда не было никаких джэммеров. Незамужние женщины легко обходились без них.

– Я слышала об этом, – кивнула девушка.

– Не нужен вам никакой джэммер, мадмуазель. Ни за пятьдесят, ни за двадцать пять.

– Как так?

– А вот так! Вам нужна хорошая масленка. И ничего боле.

– Масленка?

– Да, масленка.

Старик поднял свою палку и постучал ею в низкий потолок. Наверху послышались шаги, и по винтовой лестнице в подвал спустился молодой стройный африканец. На вид ему было лет семнадцать.

– Познакомьтесь, это мой внук Абдулах.

– Здравствуйте, – произнесла девушка.

– Здравствуйте, мадмуазель, – произнес Абдулах, склоняя голову.

– Абдулах, покажи мадмуазель свою масленку, – сказал старик.

Абдулах молча показал масленку.

– Смотрите, мадмуазель, какая достойная масленка. Совсем новая! Она полна густой белой смазки. Это именно то, что вам нужно. И никаких джэммеров!

Девушка смотрела на Абдулаха и его масленку.

– Мадмуазель, – продолжал старик, – все, что вам нужно, – хорошая, добротная смазка раз в неделю. Абдулах – парень ответственный, он не подведет вас. Это обойдется вам всего в десять ежемесячно. И никакого скрипа, мадмуазель!

Девушка задумалась.

– Если вам это кажется дорого, скину еще: восемь. Восемь в месяц.

– Я согласна, – ответила девушка.

– Вот и прекрасно! – Старик победоносно тукнул палкой в пол. – Пусть это будет наша с вами победа над безумным миром, в котором мы все оказались! И забудьте слово “джэммер”. Вам он не понадобится. Абдулах, проводи нашу гостью наверх и обслужи ее как следует.

Абдулах сделал пригласительный жест рукой. Девушка поднялась по старой винтовой лестнице и оказалась в небольшой уютной комнате с окном, кроватью, узким шкафом и рабочим столом, заваленным старыми джэммерами, починкой которых, по-видимому, занимался юноша. Окно выходило в тот самый переулок. В комнате пахло старой мебелью. Этот знакомый запах успокоил девушку.

Несмотря на то, что переулок был пуст, юноша подошел к окну и задернул занавески. В комнате стало еще уютней.

Абдулах подошел к кровати, снял покрывало, аккуратно сложил его и повесил на стул.

– Раздевайтесь, мадмуазель, – произнес Абдулах.

Девушка разделась и легла на кровать навзничь. Абдулах достал масленку и стал смазывать девушку. Она же смотрела в потолок с двумя старыми потеками и маленькими трещинами. Не до конца задернутые шторы оставляли наверху светлый клин, сквозь который было видно окно второго этажа дома напротив. Окно было занавешено тюлем с вышитыми бутонами роз. Сквозь тюль виднелись очертания большого горшка с цветком.

“Похоже, я попала к добропорядочным людям, – думала девушка. – Этот старик Али сразу был добр ко мне, он не стал мелочно торговаться или предлагать мне что-то сомнительное. По-видимому, он понял, что я из бедной семьи и взять с меня нечего. Сразу заметно, что он добрый человек и расположен к людям. А его внук – милый и обходительный молодой человек. И хорошо делает свое дело, несмотря на свою юность. Да! Недаром сегодня утром солнечный луч упал мне на подушку в виде стрелы. Я еще удивилась – к чему бы это? Сегодня хороший день...”

Закончив смазывать девушку, Абдулах убрал свою масленку.

– Все в порядке, мадмуазель. Вы можете одеваться, – произнес он с благожелательной улыбкой и быстро спустился вниз по винтовой лестнице.

Девушка встала, оделась и сделала четыре шага по комнате. Она совсем не скрипела. Это было так странно и неожиданно для нее. Ведь скрип преследовал ее уже четвертый день!

– Чудо! – радостно произнесла она и от радости закружилась по комнате.

– Чудо, чудо, чудо! – повторяла девушка, кружась.

Затем она взяла свою сумочку, лежавшую на прикроватной тумбочке, и спустилась вниз. В мастерской Али и Абдулах приветливо смотрели на нее.

– Ну вот, мадмуазель, вы не скрипите! – рассмеялся Али. – И никаких джэммеров!

– Спасибо вам. – Девушка достала из сумочки деньги и протянула Абдулаху.

Но тот с улыбкой кивнул на деда.

– Нет уж, деньги бери ты! – покачал головой Али. – Честно заработал. Я здесь ни при чем.

– Благодарю вас, мадмуазель, – произнес слегка сконфуженный Абдулах, принимая деньги.

По всему было видно, что он далеко не каждый месяц смазывает девушек.

– Уважаемый Али, – заговорила девушка. – Так я могу к вам обратиться, когда снова заскриплю?

– Конечно, мадмуазель! Мы же с вами договорились.

– Замечательно!

– Абдулах всегда со мной, он будет рад помочь вам. Рад, что его смазка вас не разочаровала.

– Превосходная смазка.

– Его новенькая масленка работает безотказно, мадмуазель. Мой вам совет: смазываться надо регулярно, тогда не будет неожиданных проблем. Приходите к нам в любое время. Мы всегда вам рады.

– Благодарю вас!

– Мы всегда вам рады, – повторил Абдулах, словно эхо.

Девушка благодарно улыбнулась стройному юноше, вышла за дверь, поднялась по ступеням. В переулке по-прежнему было сумрачно и грязно, но девушка не обратила на это внимания. Свернув на главную улицу города, она пошла по ней, шагая широко и свободно.

“Как хорошо, что желания сбываются!” – радостно думала она.

Поэты

– Я чрезвычайно редко использую *Whats-App*. – Виктория повела острыми плечами, словно сбрасывая опостылевшую мантию. – Вы уже догадались, Борис, что я катастрофически старомодна. В этом веке я проживаю чужую жизнь, не свою. Мой век другой.

– Мой тоже. – Борис следовал за ней изгибистой тенью.

Он не заметил, как они оказались на Воробьевых горах: воздвиглись свежие массивы майских лип, зашелестел легкомысленный бред теплого ветра, асфальтовые реки понесли стайки яркой и громкой молодежи на скейтбордах. С берлинской лазури неба беззвучно сдирался шелк высоких московских облаков.

– В таком случае что есть наша биография? – сумрачно произнесла Виктория, обращаясь к панораме залитой неярким солнцем Москвы. – Черета вынужденных событий, обидных паллиативов, зигзагов в темном лабиринте экзистенциальной беспомощности? Или просто шизофрения?

– А если – и то и другое? – Борис снова догнал и снова попытался взять ее за руку.

И она снова легким движением высвободила свою тонкую, хрупкую, такую мучительно желанную руку:

– Я до сих пор не могу осознать одного: если век-волкодав растворял биографии в коллективном кипящем тигле, чтобы выплавить нового послушного гомункулуса, смотрящего на звезды и спрашивающего: “Что это?”, то век *Silicon Valley* штампует биороботов, которые...

– ...смотрят на звезды и называют формулу термоядерной реакции, порождающей звездный свет. Виктория!

Она остановилась, как окликнутое животное, не оборачиваясь к нему.

– Почему вы отказываете мне в радости простого прикосновения?

– Борис, я же сказала, что безнадежно старомодна.

– Старомодность не означает бесчувственность. Вы прикрываете этим свой страх потерять со мной какую-то важную степень свободы? Поверьте, я не отниму у вас ничего. Скорее – добавлю. Чистое прикосновение! Это же... так прекрасно! Я столько раз прикасался к вашим стихам! Почему же вы запрещаете потрогать вас? Неужели одно противоречит другому? Nonsense! Здесь прошелся загадки таинственный ноготь. Поздно. Утром, чуть свет, перечту и пойму. А пока что...

– Любимую трогать так, как мне, не дано никому... – продолжила она со вздохом обреченности. – Ах, Борис, это великолепно, что вы романтик. Но вы агностик. Я догадываюсь, что для вас любовь – всего лишь сумма прикосновений. Пусть и романтических.

– Неправда!

– Вы придумали меня.

– Вы уже есть.

– Вы лепите миф.

– Я очарован вами, Виктория.

– Поэтом, поэтом...

– Женщиной! Жен-щи-ной! Я иду рядом не с поэтом, а с женщиной. С вами! Я... так очарован. К счастью, это невыразимо...

– Вы очарованы собой, придумавшим очаровательную Викторию.

– Ваши речи – безумие! По-вашему, я банальный соблазнитель? Вика, побойтесь Бога!

– О, я боюсь Его, боюсь... – вздохнула она, двинувшись дальше, как сомнамбула.

Борис пошел рядом, любуясь ее острым профилем редкой птицы, навсегда изгнанной из крикливой стаи. Этот профиль разрезал панораму Москвы, смарагдовые глаза пронизывали весенний ландшафт, волосы цвета индиго обрушивались на ее очаровательные углова-

тые плечи отравленным водопадом. Она двигалась завораживающе плавно и легко, но в этом не было никакого расчета, никакой позы, у нее все выходило само собой. Это гипнотизировало.

– Давайте лучше читать стихи, – предложила она, неотрывно глядя вперед.

– Ваши? Мои?

– Нет, не мои и не ваши. Вернее, вот что...

Она нервно усмехнулась.

– Что? – спросил Борис.

– Договор.

– Какой же?

– Старомодный.

– Кровью? Согласен!

– Нет, пока не кровью. И даже не спермой.

– Чем же?

– Словами: вы читаете стихотворение. Если оно удивит, я позволю вам взять меня за руку.

– Любое?

– Нет. Серебро. Только серебро. Не золото, не бронзу и не тефлон.

– Прекрасно! В трюмо испаряется чашка какао...

– ...качается тюль, и – прямой дорожкой в сад, в бурелом и хаос к качелям бежит трюмо, – тут же продолжила она.

– Меня преследуют две-три случайных фразы...

– ...весь день твержу: печаль моя жирна.

Борис сорвал молодой, клейкий липовый лист, свернул, понюхал:

– Было душно от жгучего света...

– ...а взгляды его как лучи.

Борис скомкал и отбросил лист:

– От любви твоей загадочной, как от боли, в крик кричу.

– Стала желтой и припадочной, еле ноги волочу.

Виктория подхватывала строфу, как волан. Они миновали церковь и двинулись по асфальтовой протоке, сдавленной аллеей неухоженных лип. Борис хранил молчание шестьдесят шесть шагов, словно готовясь к старту на этой пустой дорожке.

– Ты войдешь и молча сядешь близ меня, в вечерний час...

– ...и рассеянно приладишь на груди атлас...

Он снова замолчал. И рассмеялся:

– Виктория, я обожаю вас все сильнее!

– Не заговаривайте мне зубы, дамский угодник.

– Вы... удивительная. Вы потрясающая.

Она молчала, плавно и легко двигаясь по пустой аллее. Ее черные туфельки без каблуков бесшумно ступали по асфальту. Она словно шла себе навстречу.

Борис решительно вздохнул:

– Ищи меня в сквозном весеннем свете. Я весь – как взмах неосязаемых крыл.

– Я звук, я вздох, я зайчик на паркете.

Зло хлопнув в ладоши, Борис тут же продолжил:

– О путях твоих пытаться не буду, милая, ведь все сбылось.

– Я был бос, а ты меня обула ливнями волос и слез.

Он выбросил вперед руку, словно пытаясь раздвинуть аллею:

– Рас-стояние: версты, мили. Нас рас-ставили, рас-садили.

– Чтобы тихо себя вели по двум разным концам земли.

Зло вскрикнув, Борис забежал вперед, развернулся и угрожающе замедленно пошел на Викторию:

- Да, я знаю, я вам не пара, я пришел из другой страны...
- ... и мне нравится не гитара, а дикарский напев зурны.
- Вика, это невозможно! – Он топнул ногой по неотзывчивому асфальту. – Вы Лилит? Черт возьми! Что вы делаете здесь, в нашем мире изгнанных из рая?!
- Сдайтесь, жалкий соблазнитель?
- Нет, нет, нет!! – взвопил он так, что с липы сорвалась ворона и с карканьем полетела в сторону сталинской громады университета.
- Зачем ты за пивную стойкой?! Пристала ли тебе она?! Здесь нужно быть девицей бойкой! Ты нездорова и бледна!!
- С какой-то розою огромной у нецелованных грудей, – а смертный венчик, самый скромный, украсил бы тебя милей.
- Борис замахал на нее руками, словно на навязчивое привидение:
- Пурпурный лист на дне бассейна сквозит в воде, и день погас...
- Я полюбил благоговейно текучий мрак печальных глаз.
- Он оцепенел мраморной статуей навечно проклятой аллеи, кусая свои губы:
- Двадцать первое. Ночь. Понедельник. Очертанья столицы во мгле.
- Сочинил же какой-то бездельник, что бывает любовь на земле, – произнесла на ходу Виктория нараспев, запрокидывая лицо к линияющему небу.
- Борис прыгнул с места, снова забежал вперед, остановился перед ней, изображая ладонями букву “Т”:
- Well, give me a break! A break!
- Да, пожалуйста... – Виктория со вздохом обошла его, словно севший на мель дрейноут. – Вон там можно испить кофия.
- Он доверил свой взор ее пальцу: в зелени различались белые оконные переплеты.
- Кофе... да, да, кофе... – забормотал он, как после ледяного душа. – Мы непременно должны сейчас выпить кофе.
- Она молча направилась к переплетам. Он извивался вокруг:
- Не кончено, не кончено, желанная и жестокая. Клянусь, я одолею вас. Я не могу не одолеть... я... я жажду сокрушить вас, пробить железный панцирь ложных страхов... и испить чашу прикосновения. Я раскрою вас, мраморная устрица! И выпью вас до дна! Осушу одним глотком!
- Смотрите не захлебнитесь. – Она сорвала большой ореховый лист, положила на левый кулак и звучно прихлопнула правой ладонью.
- Свежевыкрашенным летучим голландцем кофе выплыло на них из сочной зелени.
- Борис кинулся к стоящему у веранды столику, отодвинул пластиковый стул и, рухнув на колени, обнял его, как драгоценное изваяние:
- Ловлю ваше божественное тело, о временно недоступная!
- Виктория опустила на стул, закинула ногу на ногу, раскрыла обсыпанную бисером сумочку, извлекла из нее черную стрелу мундштука, вставила сигарету.
- Коленопреклоненный Борис тут же возжег маленький факел. Прикурив и затянувшись, она выпустила струю дыма в приближающегося официанта:
- Кофе! Черный, как смерть.
- А мне ни-че-го... – пропел замороженный ее профилем Борис.
- Внутри решетчатой веранды молодая компания перекидывалась угловатыми междометиями.
- Здравствуй, быдло младое, незнакомое... – сощурилась на них Виктория, качнула ногой и прикрыла ладонью свое острое колено. – Как вы полагаете, Борис, восстанет русская культура когда-нибудь из радиоактивного красного пепла?

– Даже сквозь бетон прорастают цветы. – Борис стоял на коленях, до боли в пальцах сжимая ребристый пластик стула, словно тюремную клетку.

– А если этот бетон радиоактивен?

– Тогда прорастет диковинный цветок.

– Багрово-фиолетовая орхидея?

– С запахом гниющей плоти.

– Слишком красиво, чтобы быть правдой... – Она стряхнула пепел и замолчала.

Борис остался стоять на коленях, притягивая человеческие взоры. Молодая компания ненадолго смолкла, уставившись на него сквозь решетку террасы. Борис глянул на них:

– Корнями двух клыков и челюстей громадных оттиснув жидкий мозг в глубь плоской головы...

– ... о махайродусы, владели сушей вы в третичные века гигантских травоядных.

Борис грозно расхохотался и с рычанием впился зубами в пластиковый подлокотник.

– Давайте только фауну и флору оставим в покое, – произнесла Виктория.

– D'accord!

Перед Викторией на столе возникла чашка кофе. Ее тонкие губы протянулись к черному озеру, коснулись и отпрянули, убедившись:

– Магма.

Это заставило Бориса встать и сесть за стол. Его взгляд покрыл Викторию омофором желаний.

Она почувствовала. И привычно повела острыми плечами, сбрасывая невидимую ткань:

– И долго вы намерены отмалчиваться?

Лицо Бориса вмиг окаменело:

– Вооруженный зреньем узких ос, сосущих ось земную, ось земную...

– Я чую все, с чем свидеться пришлось, и вспоминаю наизусть и всеу.

Борис замолчал. Но ненадолго:

– Что сердце? Лань. А ты стрелок, царевна. Но мне не пасть от полудетских рук...

Она продолжила с выпускаемым дымом:

– И промахнувшись, горестно и гневно ты опускаешь неискusstный лук.

Каменное лицо Бориса стало чугунным. Он разлепил отяжелевшие губы, но Виктория предупредила:

– Я буду пить кофе.

И он замер с полуоткрытым ртом.

Виктория подносила чашку к губам, словно пила саму себя. Этот напиток не радовал, но успокаивал ее. Опустошив чашку, она встала и пошла:

– Рассчитайтесь, несчастный.

Борис швырнул в официанта комом денег и громко поспешил за ней:

– В глазах пески зеленые и облака...

– По кружеву крапленому скользит рука.

Она вытянула из мундштука окурков, кинула в лужу, из которой пил голубь:

– Борис, вы предсказуемы. Хотя и сильный поэт.

– Не оскорбляйте меня, Виктория!

– Я просто называю вещи своими именами...

– Наше поприще не завершено.

– Я готова продолжить, пожалуйста.

Они спустились к Москва-реке.

– Корабли оякорили бухты... – Виктория сощурилась на прогулочный катер, причаливающий к пристани. – Прокатите меня, рыцарь бледный.

– Avec plaisir!

Они устроились на корме спереди. Катер отчалил. На палубе присутствовали редкие пассажиры.

Катер поплыл, рассекая сонную воду. Виктория рассекала взглядом влажное пространство.

Борис с нескрываемой ненавистью обсасывал глазами ее острый профиль:

– Я сжечь ее хотел, колдунью злую, но у нее нашлись проклятые слова.

– И вновь я увидел ее живую: вся в пламени и в искрах голова, – донеслось в ответ.

Борис ударил кулаком в леерную стойку так, что та загудела:

– Язычница! Как можно сочетать твою любовь с моею верой? Ты хочешь красным пылом пылать, а мне – золой томиться серой.

Острый профиль Виктории молча разрезал нечистую воду Москвы-реки. Борис торжествующе воздел кулаки к высокому небу, раскрыл их двумя победными звездами-пятернями. И набрал в легкие побольше речного воздуха для торжествующего крика.

Но тут губы Виктории беспощадно разошлись:

– Ищи себе языческой души, такой же пламенной и бурной, – и двух огней широкие ковши одной скуются яркой урной.

Борис замер с воздетыми руками, словно Орион, пронзенный стрелой Дианы. Вместо победного вопля изо рта его бесцветной змеей выполз стон разочарования в себе.

Чтобы прийти в себя, разочарованного собою, ему пришлось нанести по стойке еще несколько гулких ударов.

Виктория качала левой ногой, положив ее на правую.

Борис наступил на горло своему разочарованию:

– Пришла опять, желаньем поцелуя и грешной наготы в последний раз покойника волнуя, и сыплешь мне цветы.

Ее нога качнулась в такт размеру:

– А мне в гробу приятно и удобно, я счастлив, – я любим! Восходит надо мною так незлобно кафельный синий дым.

Теперь Борис замолчал надолго.

Молча проплыли мимо Кремля.

– Я проголодалась, – сообщила Виктория.

Он молча кивнул.

Они сошли на Фрунзенской набережной. Неподалеку покачивался плавучий ресторан.

– Сюда? – рассеянно предложил Борис.

– Сегодня мне почему-то все равно куда и с кем, – ответила она.

– Потому что сегодня вы злая и бесчувственная.

– Возможно...

Вскоре они сидели на веранде ресторана, и Виктория пригубливала тосканское вино.

Борис заказал себе водки. Выпив рюмку, он кинул в рот большую жирную маслину, зло пожевал и громко выплюнул косточку на пол:

– Листья падали, падали, падали, и никто им не мог помешать.

Виктория сделала глоток:

– От гниющих цветов, как от падали, тяжело становилось дышать.

Борис с ненавистью уставился на нее.

– Ну что вы яритесь, юноша. – Она спокойно выдержала его взор. – Я же не принуждала вас к договору.

– Скажите, Виктория, вы... человек?

– Сдается мне, что да.

– Может, вы репликант?

– Не играйте в голливудскую банальщину. Это не ваше.

– Но я теряюсь! Просто теряюсь!

– О, еще не все потеряно, друг мой. – Она подняла бокал. – Хочу выпить за вашу настойчивость.

Он молча налил себе водки и тут же размашисто выпил. Виктория отпила, покачала бокал, лоя вином уходящее золото солнца, и снова отпила.

Подошел рослый официант.

– Я хочу рыбу из Средиземного моря, – сообщила ему Виктория.

– А я... не знаю... что-нибудь... – забормотал Борис. – Мясо... мясо какой-нибудь коровы...

– Есть дорада и сибас, аргентинская говядина, свинина тамбовская, цыплята подмосковные, – забубнил официант.

– Дорада.

– Корова.

Официант исчез.

Борис снова выпил.

Виктория с полуулыбкой разглядывала его краснеющее от водки лицо:

– Вы сейчас напьетесь и начнете читать Есенина.

– Я из него почти ничего не помню. Сыпь, гармоника, частую, частую...

– Пей, выдра, пей... – Она утопила смешок в бокале. – Пью.

Уперевшись взглядом в ее бледное лицо, Борис почти запел:

– Зеленою кровью дубов и могильной травы когда-нибудь станет любовников томная кровь.

– И ветер, что им шелестел при разлуке: “Увы”, “Увы” прошуршит над другими влюбленными вновь. Послушайте, Борис. Давайте не будем смешивать поэзию с едой. Смените слова на мясо. Временно.

Они замолчали.

Быстро прикончив двухсотграммовый графинчик водки, Борис угрюмо заказал трехсотграммовый. Чем больше он пил, тем мрачнее становился. Виктория потягивала вино, глядя в свои миры сквозь Бориса.

Еда не заставила долго ждать: жаренная на гриле дорада и огромный стейк возникли на столе. Виктория перекрестилась и стала хладнокровно препарировать дораду. Опьяневший Борис ел громко и неряшливо. Его графин быстро пустел. Вдруг он замер, уставясь на недоеденный стейк, как на саламандру. Вскинул руку и поманил мизинцем официанта.

Тот подошел.

– Любезный, что это? – Борис поддел ножом янтарную прослойку жира с края стейка.

– Это говяжий жир.

– Жир? – Борис поднял на официанта остекленевшие глаза.

– Жир. У рыбная всегда имеется.

– Жир? Имеется?

– Да, жир.

– Говяжий?

– Да, говяжий жир.

Борис вырезал жир, положил на ладонь и отвернулся от официанта:

– Зови администратора.

Официант удалился. Борис сидел с жиром на ладони.

– Я слышала, что вы скандалите, когда выпиваете. Для стихов это хорошо?

– Совсем охамела столичная сволочь... – пробормотал Борис.

Лицо его налилось кровью. В остекленевших глазах вспыхнула ярость. Виктория отложила вилку и нож, дожевывая, быстро промокнула губы.

Подошли официант и невзрачная молодая женщина на лабутенах.

– В чем проблема? – с кислой приветливостью улыбнулась администратор.

– Вот в чем! – Борис показал жир.

Но едва она открыла рот, чтобы что-то произнести, он с силой швырнул жир ей в лицо:

– Хамьё-ё-ё-ё!!

Жир попал администратору в левый глаз.

Были крики и взвизги. Был топот охраны. Был опрокинутый стул. Была неравная борьба. Была разорванная рубашка Бориса, связанного и уложенного в кабинете администратора на диван. Был угрожающий рев Бориса в диван. Был наряд полиции. Был звонок Виктории старому поклоннику из Думы. Были отданные деньги. Был блюющий на набережной Борис. Был Борис, грозящий Кремлю кулаком. Был Борис, мочащийся в Москва-реку. Был Борис, читающий стихи Виктории и двум бомжам. Был Борис, воющий на луну. Был Борис, падающий на руки Виктории.

Он проснулся.

Солнце пробивало шторы.

Поднял голову, оглядываясь. Незнакомая комната. Книжные полки. Книги. Картина. Кабаков. Фото. Виктория. Виктория с отцом. Виктория с сыном. Юная Виктория с Бродским.

“Я у нее? О, my God...”

Он сел на узкой кровати. Рядом на спинке стула висел синий китайский халат, а на сиденье стояла бутылка воды. Он глянул на свое тело: голый.

– Так. Интересно...

Взял бутылку, открыл и жадно ополовинил. Рыгнул. Вспомнил вчерашнее. Рассмеялся:

– Когда б вы знали...

Покачал головой: не болит. То есть совсем не болит. Фантастика.

“А! Я же блевал. Блевал? Да. Точно блевал”.

– ...из какого сора...

“Поэтому и похмелья нет...”

– Проблеваться полезно, Боря.

Встал, надел приятно-прохладный халат. Завязал узкий пояс. Прошелся босиком до двери. Открыл.

На небольшой белой, залитой солнцем кухне пила кофе Виктория.

– Доброе утро, рыцарь говяжьего жира.

Он молча вошел на кухню.

Виктория сидела за белым столом. На ней был халат серого шелка.

– Вашу разодранную варварами рубашку я выбросила. Остальное стирается. От моего последнего мужа осталось две рубашки. К сожалению, он еще жив, поэтому можете смело выбрать. Кофе будете? Или душ?

Он стоял. Смотрел на бледную кожу в проеме ее халата. На голые колени. Она тоже была босой. Узкие ступни. Короткие, почти детские пальцы ног. Крохотные ногти. Винный лак.

Она не покачивала, а именно болтала ступней под столом. Совсем как девочка.

“Под халатом голая”.

У него резко потеплело в солнечном сплетении.

И шевельнулся маяковский.

– Мы... не закончили, – произнес он севшим голосом.

– Да? Ну, тогда у вас последняя попытка.

Волна вольфрамовых иголок покатила от его поясницы вверх, вверх. По спине, плечам, шее. К мочкам ушей. Знакомая колючая волна.

– Последняя строфа, рыцарь.
Он кивнул.
Развязал пояс.
Распахнул халат.
Восставший маяковский закачался над столом.
Смарагдовые глаза Виктории остановились на маяковском.
– Вот моя последняя строфа, – с трудом справляясь с дрожью в голосе, произнес Борис. –
Я жду вашу.
Она молча встала. Пальцы дернули кончик узла пояска. Халат упал беззвучно.
Бледное нежное тело. Острые плечи. Небольшая грудь с девичьими сосками. Стройные бедра. Беспомощные бедра. Завораживающие бедра. Желанные бедра.
– А вот моя. – Она развела их.
Ее голый лобок. Розовая щель. Зашитая крест-накрест. Толстой золотой нитью: ХХХ.
Борис замер.
– Простите, Борис, я не сказала вам. Уже пятый день как я прозаик, а не поэт. Я пишу великий роман. И чтобы его написать, нужно соответствовать.
Борис молча смотрел.
– Вы знаете хоть один великий роман, написанный женщиной? Хотя бы уровня “Улисса”?
– Нет... – прохрипел Борис, не в силах оторвать взгляда от золотого ХХХ.
– И я не знаю. Джойс! А что говорить о Достоевском, Сервантесе, Рабле?
Борис стоял парализованно.
– Я собираюсь нарушить эту безнадежную традицию. Поэтому нужны радикальные решения. Я наступила на горло своей женственности.
– На... горло? За... чем?
– Проза и женственность несовместны.
Маяковский вздрогнул.
– И... когда это...
– ...я пережду? Когда закончу великий роман. А великие романы, дорогой мой рыцарь полной луны и волчьего воя, не пишутся быстро.
Легко наклонившись, она подняла халат, облачилась в шелк, села, качнула ногой:
– Скажу откровенно, не самое уютное чувство. Но – нужно терпеть. Per aspera ad astra.
Так скажите, кофе или душ?
Борис стоял молча.
Ожидаемые похмельные слезы наполнили его глаза.
Одна из которых.
Сорвалась.
И упала.
На.
Голову маяковского.

Белый квадрат

Кириллу Серебрянникову

Ведущий. Здравствуйте! Вас приветствует программа “Белый квадрат”. Сегодня мы поговорим о России. Наша великая, фантастическая и во многом непредсказуемая страна, которая, как пелось в песне, “веками непонятна чужеземным мудрецам”, закономерно продолжает вызывать вопросы не только у этих, мягко сказать, мудрецов, но и у наших соотечественников. Один мой старый приятель недавно признался, что, прожив сорок с лишним лет в России, – представляете? – так и не понял, что у нас за страна. Причем человек он православный, патриот, интеллигент, глубоко знающий нашу историю и культуру. Речь идет вовсе не о государственном строе. Каждый школьник знает, что Россия – федеративное, демократическое государство, с президентом и парламентом. Но какой образ вызывает наша страна у нас? На что она похожа? Какие ассоциации вызывает? У каждого этот образ – свой. Уверен, что у многих эти образы совпадают. У некоторых – нет. И вовсе не только у пятой колонны. Это как раз лишний раз подтверждает ту самую загадочность России. Как раз – лишний раз! Я рифмами заговорил, вот какая важная тема у нас сегодня! Поговорим же об этом. За нашим белым квадратным столом сегодня, как и всегда, сидят четыре гостя. Многих из них вы узнали. Но у нас правило “Белого квадрата”: только имена, только профессии. Никаких званий, должностей, регалий. Итак: Ирина – муниципальный служащий, Юрий – военный, Антон – театральный режиссер, Павел – бизнесмен. Уважаемые гости программы “Белый квадрат”, я задаю всем вам один вопрос: на что, по-вашему, похожа Россия? Пожалуйста!

Аплодисменты в зале.

Ирина. Ну вот, и все тут же смотрят на меня... (*Смеется.*)

Ведущий. Ladies first!

Ирина. Да, да. Тогда я и начну. Что ж, знаете, наверно, все-таки для меня Россия – это песня. Звучит, конечно, немного наивно, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.